

М.Д. Хмыров

**Исторические статьи М. Д.
Хмырова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Д. Хмыров**
Исторические статьи М. Д. Хмырова / М.Д. Хмыров – М.: Книга по Требова-
нию, 2013. – 474 с.

ISBN 978-5-517-95877-8

ISBN 978-5-517-95877-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

разить состояніе этой обширной страны во времена Кароагена и послѣднихъ фараоновъ египетскихъ; показать видоизмѣненія, внесенныя сюда послѣдовательно Греками и Римлянами; представить, затѣмъ, многочисленныя поселенія здѣсь пришлыхъ Арабовъ, занимавшія, въ противоположность завоевателямъ предшествующимъ, не только берега, но и внутренность страны; обозначить движеніе самихъ туземцевъ, разсѣянныхъ по всему матеріку, отъ одного конца до другаго, и изслѣдовать вліяніе скрещиванія ихъ съ Арабами на общій видъ страны; наконецъ, уяснить черты, остающіяся не сглаженными послѣ столькихъ передрагъ, — вотъ предметъ, по истинѣ, достойный вниманія ученой Европы“¹⁾).

Въ какомъ же именно пунктѣ сѣверной Африки родился негръ Ибрагимъ? Вопросъ этотъ обойденъ всѣми біографами Ганнибала, не выключая и его правнука, Пушкина. Но самое прозвище Ганнибалъ, данное Ибрагиму царемъ Петромъ, позволяетъ догадываться: не происходилъ ли прадѣдъ Пушкина изъ мѣстъ, сосѣднихъ древнему Кароагену, исчезающія развалины котораго видны еще до сихъ поръ въ окрестностяхъ нынѣшняго Туниса²⁾? Прозывать маленькаго негра ни съ того ни съ сего Аннибаломъ—царь Петръ, думаемъ, не сталъ бы. Обстоятельство же, что негръ Ибрагимъ прежде, чѣмъ попасть къ царю Петру, содержался въ Константинополѣ аманатомъ, т. е. заложникомъ, — не противорѣчитъ нашей догадкѣ, а напротивъ подкрѣпляетъ ее. Извѣстно, что въ послѣдніе годы XVII столѣтія, къ которымъ всѣ біографы Ганнибала относятъ эпоху его рожденія, Тунисъ былъ театромъ усобицъ, соперничалъ съ Алжиромъ и — такъ же, какъ Алжиръ—смирался Турціей, заправлявшей, со временъ Селима

¹⁾ Reinaud: Mémoire sur les populations de l'Afrique septentrionale aux différents époques de l'histoire. Revue Contemporaine. 1857 г. № 129 с. 194—195.

²⁾ Сумароковъ: Изъ замѣтокъ о Тунисѣ. Отечеств. Записки, 1858 г. Мартъ, отд. V. с. 1—16.

II, всѣми нѣмѣшними, такъ называемыми, Варварійскими владѣніями. Могло, стало быть, случиться, что въ 1684 г., когда братья Махмудъ и Али родовитые Берберы ¹⁾, возставъ противъ Турціи, овладѣли Тунисомъ, откуда они скоро же—впрочемъ, не надолго—были изгнаны Алжирцами ²⁾, съ ними раздѣлили жребій пораженія и ихъ черные сторонники, собственно негры, представители которыхъ, разумѣется, заплатились разными невзгодами и, между прочимъ, необходимою—прислать въ Константинополь своихъ аманатовъ. — Все это, конечно, догадки, но, по нашему мнѣнію, умѣстныя.

Годъ рожденія негра Ибрагима — не опредѣленъ точно. Изъ биографовъ Ганнибала, годомъ этимъ полагаютъ: Пушкинъ—1688-й, Бантышъ-Каменскій и Язиковъ—1691-й, Гельбигъ—1695-й, г. Лонгиновъ—1696-й. Въ томъ или другомъ рѣшеніи этого вопроса — важности большой нѣтъ. Но если основаніемъ такого рѣшенія принимать, какъ дѣлаетъ г. Лонгиновъ, копію съ формулярнаго списка А. П. Ганнибала, гдѣ послѣдній, заканчивая рассказъ о событіяхъ своей службы 1752 годомъ, говоритъ, что ему 56 лѣтъ отъ роду, то это не будетъ противорѣчить ни самому раннему извѣстію объ арапѣ Ибрагимѣ, сохранившемся въ документахъ московскихъ архивовъ подъ 1700—1701 гг. ³⁾, ни показанію самого Ганнибала, который въ одномъ изъ парижскихъ писемъ своихъ къ Макарову ⁴⁾, отъ 5 марта 1722 г., свидѣтельствуетъ, что

¹⁾ Берберами (браберъ, варваръ) называли Арабы тѣхъ самыхъ туземцевъ, сѣверо-африканскаго берега, которые у Римлянъ были маврами.—Впоследствии, именованія эти перепутались.

²⁾ Puckler-Muskau (prince de): La règne de Tunis, son administration, ses ressources, ses habitans et leurs moeurs. Revue Britannique. 1837 г. Avril. с. 287—327. —Русскій переводъ этой статьи, подъ заглавіемъ: «Тунисъ и его внутреннее состояніе» напечатанъ въ «Кабинетъ чтенія» 1838 г. т. I кн. 1. с. 43—90.

³⁾ Свѣдѣніе это сообщено намъ Г. В. Есиповымъ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

⁴⁾ Макаровъ, Алексѣй Васильевичъ, царскій кабинетъ-секретарь.

онъ жилъ, „при его величествѣ“ 17 лѣтъ ¹⁾—счетъ, едвали заключающій въ себѣ и пятилѣтіе съ 1717 г. проведенное Ганнибаломъ завѣдомо во Франціи, слѣдовательно, не „при его величествѣ“. Что же касается личныхъ воспоминаній объ Африкѣ, приписываемыхъ Пушкинымъ 8—9-ти лѣтнему Ибрагиму, они, безъ особаго нарушенія законовъ физиологическихъ, могли запечатлѣться и въ дѣтскомъ воображеніи 4—5-ти лѣтняго ребенка, тѣмъ больше, Африканца. „До глубокой старости—повѣствуетъ поэтъ о своемъ прадѣдѣ— онъ помнилъ свою Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ меньшей; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ связанными руками за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ оставался свободенъ и плавалъ подѣ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плившую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удался“ ²⁾. Все это такъ понятно, что г. Лонгинову, въ его возраженіяхъ противъ возможности родиться арапу Ибрагиму раньше 1696 г. и не зачѣмъ было бы, между прочимъ называть слишкомъ 30-ти лѣтній возрастъ Ганнибала, возвратившагося изъ заграничной науки въ 1723 г., „неправдоподобнымъ“ ³⁾. Мы знаемъ, что возмужалые ученики во времена Петра были не рѣдкость, и самому г. Лонгинову, конечно, не безызвѣстно, что напр. П. А. Толстой (впослѣдствіи графъ) только поѣхалъ въ заграничную науку слишкомъ 50-ти лѣтъ ⁴⁾.

Долго ли пробылъ въ Константинополь привезенный туда Ибрагимъ, и какимъ образомъ удалось достать его изъ суд-

¹⁾ Пекарскій: Наука и литерат. въ Россіи при П. В. т. 1, с. 166.

²⁾ Бартвневъ: Родъ и дѣтство Пушкина Отечеств. Записки. 1853 г. № 11 отд. II с. 14.

³⁾ Русскій Архивъ. 1864 г. с. 224.

⁴⁾ Поповъ: Изъ жизни П. А. Толстого, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Пеговича. Русскій Вѣстникъ. 1860 г. № 11 с. 345.

танскаго серая русскому президенту при турецкомъ диванѣ¹⁾,—остается неизвѣстнымъ, такъ же, какъ и точный годъ прибытія Ибрагима въ Россію. Но что Ибрагимъ находился уже при царѣ Петрѣ не съ 1705 г., какъ показываютъ нѣкоторые писатели, а раньше, это доказывается вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ письма Ганнибала къ Магарову. Находясь же при царѣ Петрѣ, до самаго отправленія своего во Францію, въ 1717 г., Ганнибалъ, по свидѣтельству формулярнаго списка его, „былъ при всѣхъ тѣхъ походахъ и баталіяхъ, при которыхъ его величество своей особою присутствовать соизволилъ“. Описывать эти „походы и баталіи“, хорошо извѣстные каждому просвѣщенному Русскому, мы не будемъ. Для насъ интереснѣе замѣтить, что, стало быть, царь Петръ всюду бралъ съ собой арапченка Ибрагима еще маленькимъ, и такимъ крестилъ его въ 1707 г., въ Вильнѣ, при чемъ воспріемниками были: самъ государь и Христина-Эбергардина, жена Августа II, короля польскаго. Пушкинъ рассказываетъ, что африканскій прадѣдъ его, названный тогда Петромъ Петровымъ, плакалъ горько о своемъ прежнемъ имени, Ибрагимъ, по созвучію съ которымъ ему и дозволено именоваться Абрамомъ Петровымъ, а прозвище оставлено прежнее — Ганнибалъ, не употреблявшееся однако царскимъ крестникомъ-арапомъ до самой смерти Петра.—Пушкинъ же добавляетъ, что вскорѣ по крещеніи его прадѣда, за нимъ пріѣзжалъ старшій братъ послѣдняго и предлагалъ царю Петру выкупъ за бывшаго Ибрагима; но царь не отпустилъ своего маленькаго любимца. Не великъ былъ этотъ любимецъ и въ 1709 г., какъ можно судить по слѣдующему документу того года: „Декабря въ 20 день, по приказу, дѣланы кафтанъ Явиму карле, и Абраму арапу, хъ празднику Рожества Христова, съ камзолы и штаны. Куплено сукна краснаго обѣимъ по осьми аршинъ, по два рубли по шестнадцати ал-

¹⁾ Русскимъ президентомъ въ Константинополь былъ тогда думный дьякъ Емел. Нв. Украинцевъ.

тынь по четыре деньги аршинъ; имъ-же пугвиць мѣдныхъ вызолоченныхъ пять портищъ по шестнадцати алтынъ по четыре деньги портище; имъ же позументу золотнаго сорокъ девять аршинъ, вѣсомъ 93 золотн., цѣною по осьми алтынъ по 2 деньги золотникъ; камки на подушку 6 аршинъ по 26 алтынъ по 4 деньги; стамеду; имъ же на камзолы штофу 8 арш. по 2 р. по 10 алтынъ аршинъ; имъ же на подкладку штофу 11 арш. по 10 алтынъ; также пугвиць шелгов. на камзолы по два портища“ ¹⁾). Ясно, что, въ 1709 г., одѣтъ Ганнибала и карлика—значило одно и то же.

Привычка царя Петра къ своему крестнику-арапу, усиливаясь временемъ, побудила государя, носившаго серьезно званіе капитана Бомбардирской роты Преображенскаго полка, записать въ ту же роту и Абрама Петрова, на первый разъ—барабанщикомъ. Когда именно случилось это, мы не знаемъ. Но въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ списковъ Бомбардирской роты того періода, значится не разъ: „барабанщикъ Абрамъ Петровъ арапъ“, или еще проще: „барабанщикъ Абрамъ арапъ 2)“. Впрочемъ, царь Петръ, независимо отъ привычки, еще и по другому обстоятельству приблизилъ къ себѣ Ганнибала: „Сей российский Ганнибалъ — поясняетъ почтенный дѣшписатель Петра, между другими дарованіями имѣлъ чрезвычайную чудкость (sic), такъ что, какъ-бы онъ крѣпко ни спалъ, всегда на первый спросъ просыпался и отвѣчалъ. Сія чудкость его была причиною, что Монархъ сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ и повелѣвалъ ночью ложиться или въ самой своей спальнѣ, или подлѣ оныя. Сей Ганнибалъ самъ предалъ намъ сей анекдотъ, рассказывая всегда оный со слезами, то есть, что не проходило ни одной ночи, въ которую бы Монархъ

¹⁾ Документъ этотъ, изъ дѣлъ Дворцовой Канцеляріи, сообщенъ намъ П. Н. Петровымъ, которому выражаемъ здѣсь нашу признательность.

²⁾ Ратчъ, Петръ Великій какъ артиллеристъ и капитанъ бомбардирской роты. Архив. Журн. 1857 г. кн. II с. 94.

не разбудилъ его, а иногда и не одинъ разъ. Великій сей государь, просыпаясь, вливалъ его: „Арапъ!“ — и сей тотъ же часъ отвѣтствовалъ: „Чего изволите?“ — „Подай огня и доску“ (то есть аспидную, которая съ грифелемъ висѣла въ головахъ государевыхъ). Онъ подавалъ оную, и Монархъ пришедшее себѣ въ мысль или самъ записывалъ, или ему приказывалъ, и потомъ обыкновенно говорилъ: „Повѣсь и поди спи“. По утру же неусыпный и попечительнѣйшій государь обдѣлывалъ сіи свои мысли, или внеся оныя въ записную свою книжку, отлагалъ исполненіе оныхъ до другаго времени, смотря по важности дѣла“ ¹⁾. Такъ бывало всюду: и въ болотахъ петербургскихъ, и въ кремлѣ московскомъ, и на поляхъ полтавскихъ, и на берегахъ прутскихъ, и на водахъ финскихъ—до тѣхъ поръ, пока царь Петръ, примѣтивъ въ своемъ крестникѣ арапѣ „хорошія способности, которыя могли приносить пользу отечеству“ ²⁾, не пожалѣлъ разлучиться съ чуткимъ „камердинеромъ“ и, въ 1717 г., оставилъ его въ Парижѣ „для ученія, главнѣйше же инженерству“ ³⁾. Такой выборъ былъ сдѣланъ Петромъ, конечно, не наобумъ, и мы—въ виду другаго документальнаго извѣстія, гласящаго: „дому императорскаго величества служитель, арапъ Авраамъ (тезка нашего Ганнибала) вступилъ въ школу (при Александро-невскомъ монастырѣ), 14 марта 1723 году, изучилъ букваря до 5-й заповѣди и взять къ дому императорскаго величества 27 ноября 1724 года“ ⁴⁾—имѣемъ все право полагать, что и царскій крестникъ-арапъ явился въ Парижъ не неучемъ, а понаторѣвъ нѣсколько, быть можетъ, въ той самой „Инженерской школѣ“, относительно которой царь Петръ, пунктомъ 17-мъ указа 16 января 1712 г., повелѣвалъ: „Шко-

¹⁾ Голицыновъ. Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи, Изд. 1843 г. т. XV. с. 156—157.

²⁾ Тамъ же см. 157.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Пекаровскій. Наук. и Литер. въ Рос. при П. В. т. I. с. 112.

ду Инженерскую (въ Москвѣ) умножить, а именно: сыскать мастера изъ Русскихъ, который бы училъ цифири, или на башню (Сухареву) для сего учения посылать; и когда Ариметику окончатъ, учить Геометрію столько, сколько до Инженерства надлежитъ; а потомъ отдавать Инженеру учить Фортификацію. И держать всегда полное число, 100 чело-вѣкъ или 150, изъ которыхъ чтобъ двѣ трети, или по нуждѣ, были изъ дворянскихъ дѣтей“¹⁾). Доморощенный курсъ этотъ все таки могъ способствовать лучшему воспріятію иноземной науки—особенно во Франціи, гдѣ тогда только что умеръ Людовикъ XIV, блистательное царствованіе котораго, наполненное военной славой Тюрения, Бервика, Виллара, Вандома, сіяло также именемъ Вобана, величайшаго изъ инженеровъ новаго времени.

Но на первыхъ же порахъ обученія иноземнаго, царскій крестникъ-арапъ и, сотоварищъ его, Юровъ, увидѣли себя какъ бы забытыми въ Парижѣ и, испытывая всю тягость безпомощнаго сиротства на чужой сторонѣ, отправили къ царю Петру петицію такого содержанія: „Всемилюстивѣйшій государь! На что себя опредѣлили по желанію нашему, и мы оно управить съ совершеннымъ прилежаніемъ, яко должность наша повѣлевать, вашему величеству общаемъ, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрову. Того ради, не имѣя никакой надежды, ниже какое заступленіе, oprичъ единаго вашего величества призравіи, молимъ всепокорнѣйше о призравіи нашего убожества и опредѣлить насъ своимъ государевымъ жалованьемъ, которымъ бы намъ можно прожить здѣсь безъ долговъ. Истинно, яко самому Богу, вѣрно доносимъ, что въ сихъ странахъ не можно прожить двѣма стами сорокъю ефимками французскими²⁾ безъ всякихъ прихотей.

¹⁾ Полное Собр. Зѣкон. Росс. имперіи. Изд. 1830 г. т. IV № 2467.

²⁾ Ефимками Русскіе истари называли безразлично всякую иноземную монету, золотую и серебряную. О какой именно монетѣ гово-

Умилосердись, государь, не учини насъ отчаянными исполнить и исполнять по желанію, по должности и по общанію нашему къ вашему величеству. Мы не посмѣемъ опредѣлить сумму, но полагаемся на ваши царскія и отеческія щедроты и на вѣрное объ насъ доношеніе г. капитанъ поручика Конона Зотова ¹⁾. И тако, ожидая оного призрѣнія, пребываемъ вашего величества сыны и рабы препокорнѣйшіе и вѣрнѣйшіе — Алексѣй Юровъ. Абрамъ. Изъ Парижа въ 5 д. марта 1718 года“. Независимо отъ этой петиціи, Ганнибалъ писалъ собственноручно и къ Макарову: „Мой премилостивый государь Алексѣй Васильевичъ, мой государь! Прошу васъ, моего государя, насъ чтобъ не оставить въ такой бѣдности, и здѣсь приложить свое милосердіе въ прошеніи къ его величеству объ насъ бѣдныхъ презря все мое глупое, младые поступки къ себѣ показанной (sic) и явить надъ нами свое милосердіе отеческое, яко надъ дѣтьми своими, чтобъ намъ не пропасть въ нищетѣ здѣшнемъ (sic). Во истину, мой государь, не можемъ пропитаться опредѣленными 240 ефимками французскими, и о чемъ писали къ его величеству, при томъ просимъ и ваше милосердіе. При семъ остаюся вамъ, моего государя, слуга Абрамъ. Парижъ 22/11 марта 1718 года“ ²⁾. Но помощи, какъ видно, не было, потому что въ декабрѣ того же 1718 года, Абрамъ и Юровъ прислали снова слезное прошеніе о прибавкѣ имъ денегъ на содержаніе ³⁾.

рять Ганнибалъ, догадаться трудно. Если считаетъ онъ, что вѣроятнѣе, обыкновенными серебряными эюю, то каждое такое эюю — все равно, что наши 1½ руб.

¹⁾ Кононъ Зотовъ средній изъ трехъ сыновей Никиты Моисеевича Зотова, воспитателя царя Петра. Бывъ впоследствии контръ-адмираломъ и генераль-экипажмейстеромъ флота, онъ ум. въ 1742 г., бедѣтнымъ. Известенъ, какъ хорошій переводчикъ съ французскаго языка.

²⁾ П е к л а р с к і й. Наука и литер. въ Рос. при П. В. т. I. с. 164 — 167.

³⁾ Дѣла Государственнаго Архива. Кабин. П. В. отд. II № 38 л. 93.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ 1719 г., Испанія и Франція объявили одна другой войну, маршалъ Бервикъ повелѣ французскую армію къ границамъ испанскимъ—и Ганнибалъ, вступивъ въ ряды этой арміи, инженернымъ ученикомъ, участвовалъ при взятіи французами Фонтарабин и Санъ-Себастьяна, былъ раненъ „въ подземной войнѣ“ (въ траншеяхъ) и, за отличіе, награжденъ чиномъ инженеръ-поручика. Дѣло въ томъ, что царскій крестникъ-арабъ, усердствуя оправдать надежды на него Петра, хотѣлъ непременно попасть въ инженерную школу, которая, съ 1720 г., открывалась въ Мейцѣ, но не для иностранцевъ, не служившихъ Франціи. Въ этой школѣ, Ганнибалъ учился почти два года, въ теченіе которыхъ на историческомъ горизонтѣ Франціи погасло финансовое свѣтило—авантюристъ Лоу (Law), и засіяло политическое—кардиналъ Дюбуа. Въ самомъ началѣ 1722 года, заключившаго собой знаменитую эпоху регентства, князь Вас. Лук. Долгорукій, посоль царя Петра въ Парижѣ, объявилъ Ганнибалу царскій указъ: ѣхать немедленно въ Петербургъ, моремъ. Ганнибалъ, ненавидѣвшій моря, смутился окончательно—и такъ воззвалъ къ Макарову, отъ 16 (5) февраля 1722 г., изъ Парижа: „Прошу васъ, государя моего, доложить его величеству, что я не морской человекъ: вы сами, государь мой, изволите видѣть, какъ я былъ на морѣ храбръ, а нынѣ пуще отвыкъ. Моя смерть будетъ, если не покажутъ надо мною милосердіе божеское. Ежели императорское величество ничего не пожалуетъ, чѣмъ бы мнѣ доѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, то радъ и готовъ пѣшкомъ идти... Прошу донести царскому величеству, что я былъ въ службѣ здѣсь поручикомъ инженерскимъ, въ которомъ полку я служилъ полтора года ученикомъ. Понеже сдѣлали здѣсь школу новую для молодыхъ инженеровъ въ 1720 г. въ которую школу не принимали иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые примутъ службу французскую; но я, надѣясь, что не будетъ противно его величеству, что я принялъ службу

для лучшаго ученія, и ежели его величество изволитъ повелѣть мнѣ пребыть сей годъ для ученія, понеже мы сдѣлали сами безъ мастеровъ городъ для ученія, а такожь разныхъ и для подопоповъ... Токмо прошу, Христа ради и Богородицы, чтобъ моремъ не ѣхать; о шволѣ, о которомъ (sic) я вамъ доносилъ, и опа не здѣсь околѣ Парижа, токмо сто миль въ разстояніи отъ Парижа; но во мнѣ писали, чтобъ пріѣхать въ Парижъ, и я сегодня пріѣхалъ". Въ ожиданіи отвѣта на это письмо, Ганнибалъ, 5 марта, писалъ опять къ Макарову. „Мы здѣсь всѣ въ долгу не отъ мотовства, но отъ бумажныхъ деньгахъ (sic), о чемъ вы, я чаю, извѣстны чрезъ графа Мусина-Пушкина, какое здѣсь житье было здѣшними деньгами. И ежели бы здѣсь не было Платона Ивановича (графъ Мусинъ-Пушкинъ), то бы я умеръ съ голоду: онъ меня, по своей милости, не оставилъ, что обѣдалъ и ужиналъ при немъ по вся дни... Я надѣюсь, что его императорское величество оставитъ меня не приважетъ, понеже по отъѣздѣ своемъ изволилъ намъ съ Алексѣемъ Юровымъ изъ устъ своихъ сказать, что ежели мы будемъ моты или въ тюрьму попадемъ, то бѣ намъ не имѣть никакой милости отъ его величества для нашей выкупки. Потомъ, изволилъ сказать: ежели мы будемъ прилежно учиться, также чтобъ имѣть доброе житье, то я васъ не оставлю. — И я вамъ, государь мой доношу, что всѣмъ русскимъ извѣстно, какое я имѣлъ стараніе въ моей учени (sic), и сколь всякое и казнѣ гдѣ бы можно лучше учиться. Также и принялъ службу, чтобъ лучше звать мое дѣло, гдѣ не принимали никого иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые службу примутъ въ Франціи. То ли я выслужилъ, живучи при его величествѣ 17 лѣтъ — выгоняютъ отсюда, какъ собакъ, безъ денегъ! Хотя бы на подъемъ не давали, да пожаловали бы дали наше жалованье годовое, а бы съ тѣмъ поѣхалъ. Ежели не достанетъ, тобъ милостину сталъ просить дорогою; а моремъ не поѣду — воля его величества!“ Наконецъ вождедѣнное жалованье было выдано —